

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

О. А. Кривцова Тракова

БЕССАРАБСКИЙ КЛАД

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
МОСКВА · 1949

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Выпуск I

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

БЕССАРАБСКИЙ КЛАД

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА

1949

Ч. 4/1086

Клад археологии

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

БЕССАРАБСКИЙ КЛАД

Редактор А. Я. БРЮСОВ

Фундаментальная библиотека
Куйбышевского педагогического
института. Без инв. осн.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА

■

1949

Бессарабский клад или, как его еще принято называть, Бородинский клад, одно из ценнейших сокровищ, хранящихся в археологических отделах Государственного Исторического музея. Он был найден в 1912 году при землекопных работах близ селения Бородино (бывш. Аккерманского уезда, Бессарабской губ.). Переданный одесскому археологу Э. Р. Штерну и всесторонне им изученный, Бессарабский клад был им использован в качестве материала для доклада на Лондонском международном конгрессе историков в 1913 году, после чего приобрел мировую известность. Вскоре после этого, изданный Э. Р. Штерном в 34-м выпуске Материалов по археологии России¹, клад стал доступен широкому кругу археологов и вместе с богатым инвентарем Сейминского могильника, открытого в том же 1912 году, послужил одним из оснований для установления хронологических вех бронзового века Восточной Европы. Усилившиеся в эту эпоху межплеменные сношения осуществлялись по установившимся путям, частью водным, частью через степи. Они привели к тому, что уже в половине II тысячелетия до н. э. в северо-западном Причерноморье оказались отраженными явления, характерные как для среднерусской бронзы и более южных степных районов, так и для крито-микенского мира. Бессарабский клад является одним из основных памятников, позволяющих проследить и характер связей между Восточной Европой и Балканским полуостровом, и достаточно определить их время.

В первой публикации Бессарабского клада изображения вещей были сведены в одну многокрасочную таблицу, выполненную по прекрасному рисунку М. В. Фармаковского. Это единственное воспроизведение клада многократно перепечатывалось и при том в сильно уменьшенном виде. Однако в настоящее время требования науки уже не могут быть удовлетворены воспроизведением вещей только в рисунках, по которым можно составить, и то не полное, представление только о формах вещей. Ни материала,

¹ Э. Р. Штерн. Бессарабская находка древностей 1912 г. МАР, вып. 34, стр. 1, СПб., 1914.

из которого они были изготовлены, ни приемов обработки эти рисунки не передают с достаточной четкостью. Кроме того, необходимы изображения профилей предметов и схематические рисунки развернутых узоров. Настоящий очерк ставит своей задачей заполнить указанные существенные пробелы, дать воспроизведение вещей Бессарабского клада в виде фотографических снимков с различных сторон, а в некоторых случаях и фотоснимки деталей с подробным, по возможности, описанием каждого предмета в отдельности.

Коллекция, доставленная Э. Р. Штерну, состоит из 17 предметов, из которых 11 сохранились полностью, а 6 представляют собою отдельные фрагменты. Возможно, что клад был зарыт в одном или в нескольких глиняных сосудах, от которых сохранился только один черепок, совершенно не дающий представления ни о форме, ни об орнаменте этих сосудов.

К металлическим предметам, входящим в состав Бессарабского клада, относятся два вполне сохранившиеся серебряные копья и обломанная еще в древности втулка от третьего подобного же копья, серебряный кинжал и булавка. Все эти вещи украшены узорами, выполненными золотой инкрустацией. Сюда же относятся две тонко раскованные согнутые бронзовые пластинки (табл. XII, рис. 6, 7; инв. № 54655), по изгибу которых и по наличию на них дырочек можно предположить, что они служили оковкой какого-нибудь, вероятно, деревянного предмета.

Одно из копий (табл. I, рис. 1, т. II, рис. 2; инв. № 54642), длиной в 34,1 см, имеет максимальное расширение пера в 6 см, при его длине в 21 см. Диаметр втулки у основания равен 3,5 см, а глубина отверстия втулки 15,5 см. Втулка, совершенно круглая в поперечном сечении, в части, проходящей вдоль пера, имеет с обеих сторон по ребру, что придает ромбовидность ее профилю в этом месте. Переход от округлости к ребру постепенный и начинается с основания пера. У края втулки выступают вниз две противоположные петли, представляющие собою почти полукруглые пластинки с круглыми дырочками, пробитыми уже после того, как копьё было отлито. В данном случае, вероятно, эти петли служили для прикрепления копья к древку, на что указывает их клещеобразный загиб внутрь, предназначенный, очевидно, для того, чтобы петли впивались в древко (табл. V, рис. 3). Не совсем понятно назначение дырочек на петлях: едва ли через них вбивались гвозди, так как это сильно ослабило бы прочность древка. Возможно, что в них продевалась завязка, которая плотно прикручивалась к древку. Надо отметить, что в других случаях нахождения подобных же копий гвозди, по крайней мере, металлические, никогда не встречались. Перо копья имеет совершенно правильную листовидную форму с максимальным расширением в нижней части на расстоянии $1/6$ от основания, и с прямыми лезвиями, сходящимися под острым углом у острия.

Повидимому, этот наконечник, как и многие другие наконечники подобного рода, был отлит в двустворчатой литейной форме, но поверхность копья была подвергнута столь тщательной обработке, отковке и шлифовке, что признаки литья удалось проследить только на боковой стороне втулки. Здесь с одной стороны сохранился след от как бы затертой полосы, проходящей вдоль от основания пера до отверстия втулки. Очевидно, что во время литья образовался рубец в виде наплыва металла, который проник в щель между створками формы. С противоположной стороны он был уничтожен полностью. Литье производилось, как обычно, с острия, в данном случае хорошо выправленного отковкой.

Литейная форма, в которой отливалось копье, как это можно наблюдать в других подобных же случаях, в той части, где она была вырезана для отливки пера, может быть, была немного уже, чем готовая вещь. Этот технически необходимый прием применялся для дальнейшей обработки лезвия. Для получения достаточно прочного и острого лезвия у наконечников копий, кинжалов, серпов и других режущих предметов, они отливались с нарочитым утолщением по краю, для чего в литейных формах вырезывалась соответствующая борозда. Такое утолщенное лезвие подвергалось расплющиванию, оттяжке и отковке, чем достигалась прежде всего его прочность. Таким образом, обработанный предмет по размерам всегда несколько превышал литейную форму. Судя по значительной отковке всей поверхности описываемого копья, и по тому, что его лезвие было оттянуто не менее, чем на 3 мм, можно предполагать, что литейная форма, из какого бы материала она не была сделана, соответствовала этим приемам литейного дела. Ввиду того, что повторная заточка лезвия неминуемо приводила бы к постепенному стиранию металла, естественно, что наконечник копья, отлитый из драгоценного металла, не подвергался частой заточке. И действительно, в то время, как следы отковки и полировки внешней поверхности заметны всюду, а следы оттяжки совершенно ясны вдоль всего лезвия, заточка заметна слабо и далеко не во всех местах. В данном случае затачивался лишь самый край и не шире, чем на один миллиметр. Таким образом, узор, или, вернее, проведенная нарезкой линия, окаймляющая с обеих сторон все перо не более чем в полтора миллиметра от края, нигде не была стерта повторной заточкой.

Возвращаясь к отковке копья, отмечу, что ребро его долевого стержня было выправлено путем отковки с ювелирной точностью и тщательностью, в результате чего получился легкий наплыв металла на плоскость пера в виде едва заметной складки, проходящей по всему краю стержня. Это явление у бронзовых копий подобного рода обычно не встречается и может быть объяснено чрезвычайной мягкостью серебра.

По обеим сторонам стержня вдоль его края на плоскости лопасти пера был нанесен узор в виде косых, направленных вверх и наружу, насечек (табл. I, рис. 1). Узором, выполненным путем насечки или нареза, покрыта нижняя половина втулки копья (т. XVIII, рис. 3). Узор расположен в двух

зонах, отделенных одна от другой небольшим промежутком. Верхняя полоса узора представляет собою двойной зигзаг, по углам которого поставлены небольшие ромбики. По внутреннему краю эти ромбики окаймлены пунктиром, а по внешнему насечками в виде бахромки. Такая же бахромка окаймляет полосу зигзагов, внутри которой имеется полустершийся и едва заметный ряд точек. Нижняя орнаментальная полоса, проходящая вдоль края втулки, в верхней своей части тоже представляет собою один ряд совершенно подобных же ромбиков. По нижним углам они соединены зигзагом в одну линию. Этот зигзаг идет непосредственно над рядом треугольников, упирающихся своими основаниями в полосу, опоясывающую выпуклый край втулки. Очертания этих треугольников, как и всего узора, нанесены нарезом непосредственно на серебро. Только в данном случае нарез сделан значительно глубже и являлся основанием, на которое была накована тонкая золотая пластинка с выдавленным на ней соответствующим узором. Кроме того, гораздо более тонким нарезом, возможно, выполненным другим инструментом, вдоль края треугольников по золоту нанесен ряд точек и в каждом треугольнике вписано по маленькому заштрихованному в клетку треугольнику, обращенному вершиной вниз. Край той же самой золотой пластинки ниже этих треугольников покрывает выпуклое основание втулки. Полоса узора, украшающая эту часть золотой пластинки, представляет собою самостоятельный орнаментальный мотив, который состоит из одного ряда простейшего меандра, окаймленного сверху и снизу полосками в виде рельефной веревочки. По меандрам и по краям петель, не облицованных золотом, проходит ряд очень мелких точек. Дырочки на петлях, кроме того, еще обведены узкой нарезной линией.

Сохранность копья почти совершенная. Вскоре после находкиклада копье было подвергнуто чистке и с его поверхности был снят довольно толстый слой патины, покрывающей и до настоящего времени поверхность второго целого копья. Только в некоторых местах небольшие следы патины заметны до настоящего времени. Они свидетельствуют о том, что по составу своему металл, из которого отлито копье, представляет собою сплав серебра с некоторым количеством меди. Мягкость материала, недостаточная заточка лезвия и острия заставляют предполагать, что, если этот наконечник копья и имел практическое применение, то весьма ограниченное. Гораздо вероятнее, что его назначением, как и остальных вещей клада, было служить парадным оружием. Втулка третьего копья, обломанная еще в древности, свидетельствует о том, что вещи, зарытые в клады, представляли собою инвентарь или часть инвентаря какой-то сокровищницы.

Второе копье (табл. II, рис. 1; т. I, рис. 3; № 54643), тоже серебряное, значительно проще первого как по технике обработки, так и по узору, покрывающему только нижнюю часть втулки. Длина наконечника равняется 29,7 см, длина пера — 17,2 см, его максимальная ширина на расстоянии $\frac{1}{5}$ длины всего пера от основания — 5,8 см, диаметр втулки — 3 см, а глубина полости втулки — 14,5 см. Это копье представляет собою обычный

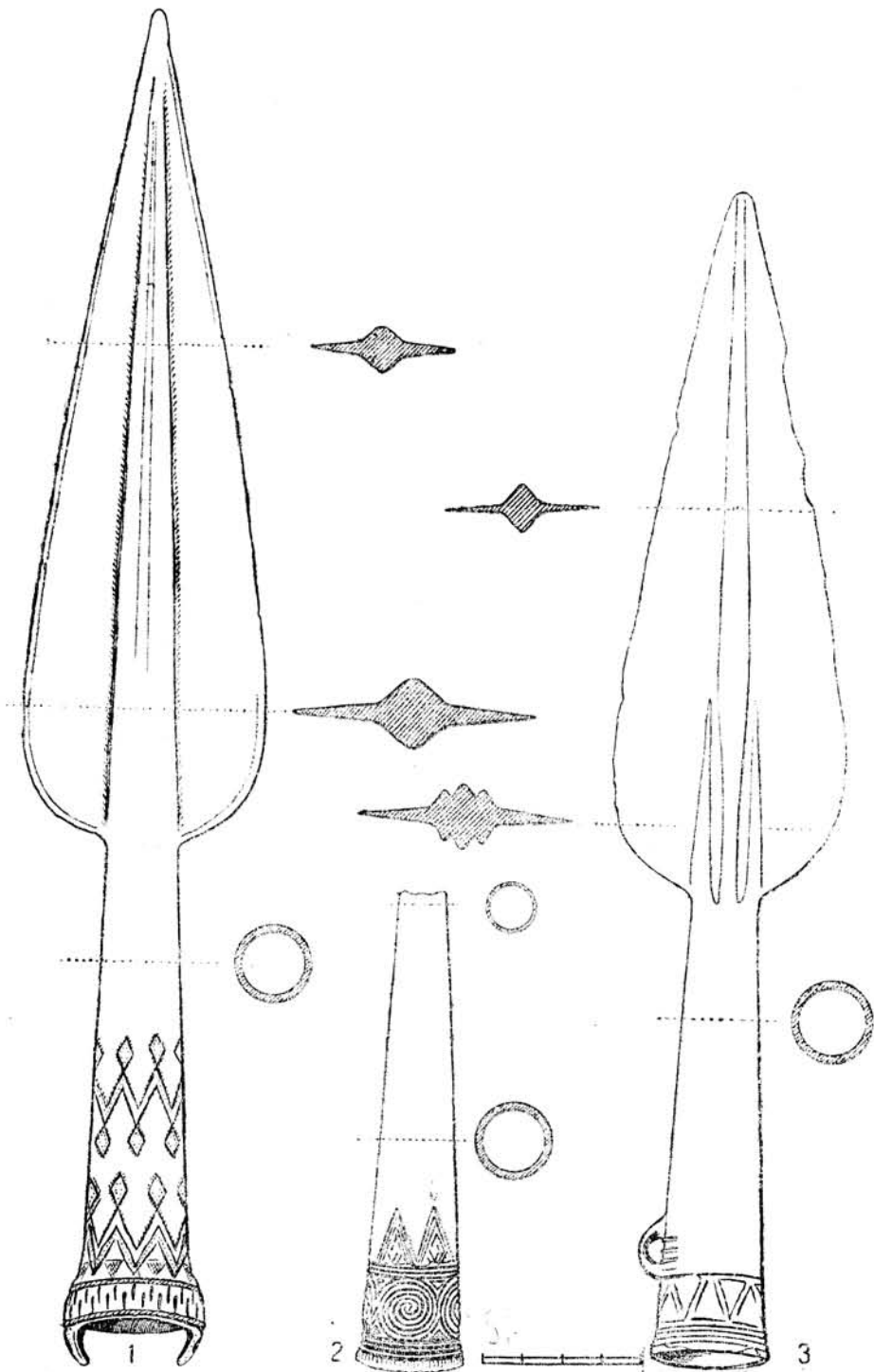
тип вильчатых копий. На нижней части его пера около втулки по бокам стержня, проходящего по оси, находятся два зубца. Они имеют форму высоких реброобразных валиков длиной в 5 см, которые, постепенно заостряясь, сходят на нет. Средний зубец представляет собою долевой стержень, доходящий до самого острия в виде высокого и узкого ребра. В разрезе копьяд стержень имеет ромбообразную форму. Этот наконечник, как и первый, был отлит в двусторонней форме. И в этом случае слабые следы от стыков створок формы заметны на боковых поверхностях втулки. Следы эти сильно затерты сглаживанием и полировкой поверхности после отлива. Вполне допустимо, что в обоих случаях литье металла производилось не прямо в двустороннюю форму, а посредством восковой модели, отлитой в форме и уже подвергнутой предварительной обработке. Отделка поверхности отлитого наконечника отчетливо прослеживается, несмотря на слой черновато-зеленой патины, покрывающей весь предмет. Заметны и следы отковки на плоскостях пера, а также и ячейки от ударов молотка, получившиеся в процессе оттяжки лезвия. Оно заточено, но заточка и здесь неширокая, не превышающая 1,5 мм. Лезвие в некоторых местах сильно выщерблено еще в древности. Кое-где заметны зазубрины, полученные тогда же от ударов какого-то лезвийного орудия. На втулке копьяд, непосредственно над орнаментальной полосой, находится одна петля, отлитая вместе со всем наконечником. Едва ли она служила для привязывания наконечника к древку, а могла иметь и другое назначение. Возможно, что к ней привязывались кисти, или какие-нибудь иные подобные им украшения.

Полоса узора, опоясывающая втулку в нижней ее части (т. XVIII рис. 2), выполнена путем наковки на серебряную основу тонкой золотой пластинки. В тех местах, где эта пластинка обломана, хорошо заметно, что предварительно узор был довольно глубоко насечен на серебре. Таким образом, все вдавления линии на золотой пластинке соответствуют бороздам, нанесенным на серебре, и как бы прикрепляют золото на серебряную основу. В то время, как на первом копье технику прикрепления пластинки правильнее было бы назвать аппликацией, в данном случае значительно глубже вделанное листовое золото как бы инкрустировано в серебро.

Узор представляет собою ряд золотых треугольников, обращенных вершинами вверх и заключенных между двумя золотыми же поясками. Между каждой парой таких треугольников оставлен просвет, представляющий собою треугольный же участок серебряной основы узора. Верхний узкий золотой поясок соединяет вершины треугольников, а нижний, широкий является базой их оснований; по нему проведены одна под другой четыре опоясывающих борозды. Каждый из треугольников по краю очерчен линией глубокого нареза. Один из золотых треугольников обломан; нижний край пластинки в некоторых местах порван (табл. V, рис. 2).

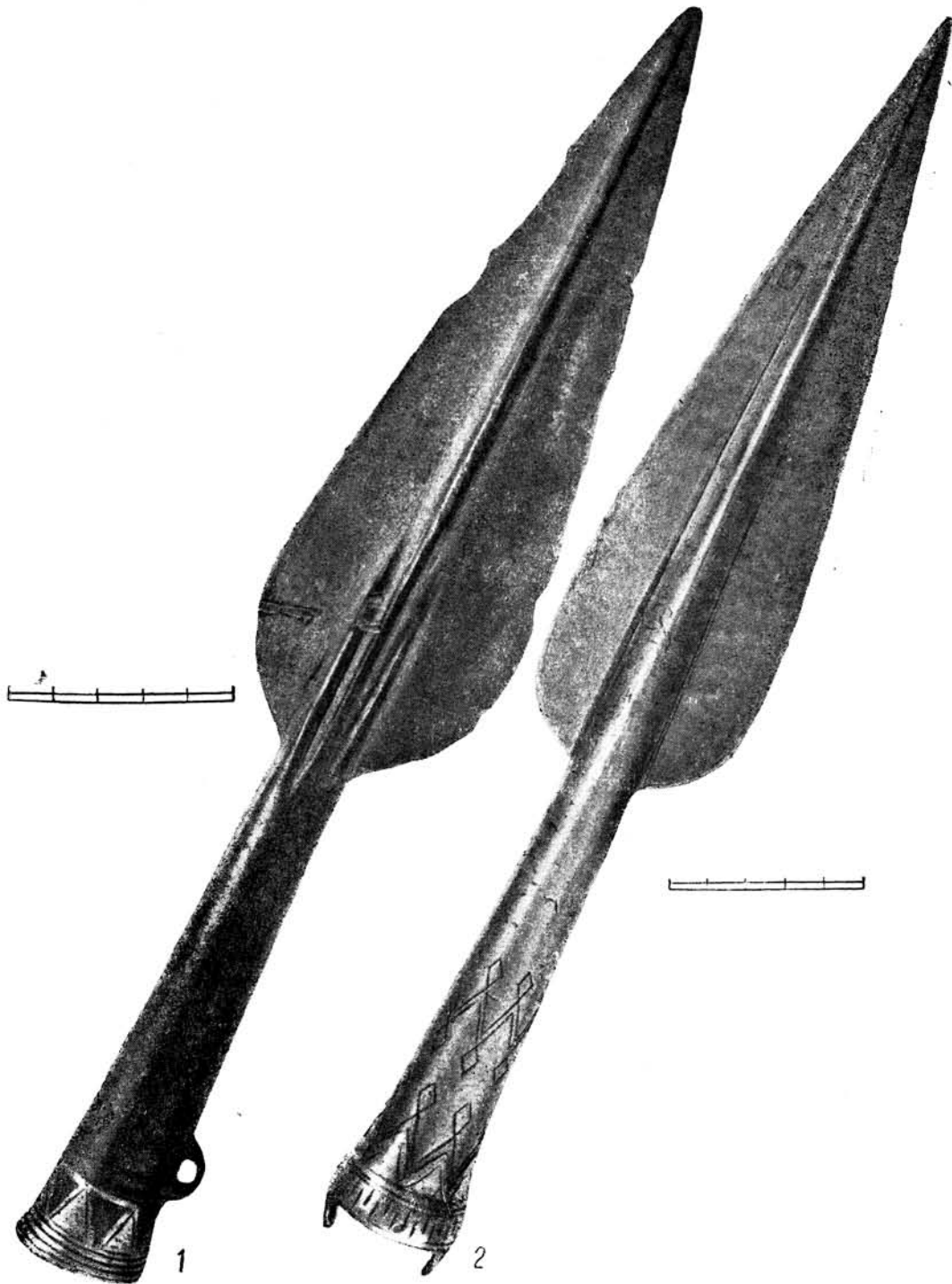
От третьего копьяд (табл. I, рис. 2; табл. III, рис. 3; инв. № 54653) сохранилась лишь втулка. Место излома, покрытое патиной, свидетельствует о том, что излом произошел в древности. Это явление само по себе

Таблица 1

1 — первое копьё, 2 — втулка от третьего копья, 3 — второе копьё.

Таблица II

1 — второе копьё, 2 — первое копьё.

Таблица III

1—2—третий топор, 3—втулка от третьего копья.

Таблица IV

1—3 — первый топор.

1—верхняя часть серебряного кинжала, 2—нижняя часть втулки второго копия, 3—нижняя часть втулки первого копия, 4—верхняя часть серебряной булавки.

устраняет сомнение в том, что данный комплекс вещей действительно является кладом, а не погребальным инвентарем: этот обломок серебряного наконечника копья с золотым орнаментом считался ценностью. Подобного рода лом в кладах Причерноморья обычен и никогда почти не встречается в погребениях. Длина втулки равняется 11,9 см, диаметр отверстия — 2,8 см. По излому заметно, что втулка в верхней части не была массивной. Здесь диаметр отверстия равен 1,3 см при толщине стенок менее 1 мм, и именно поэтому скрепление втулки с пером оказалось недостаточно прочным. В уже готовом наконечнике в нижней части втулки были пробиты два круглых отверстия, вероятно, для скрепления наконечника с древком.

Орнамент, который покрывает втулку в нижнем ее конце (табл. XVIII, рис. 1), состоит из золотой инкрустированной пластинки, шириною в 2,7 см. Непосредственно над нею проходит ряд треугольников, обращенных вершинами вверх, выполненных довольно глубокой насечкой. Первоначально и они были покрыты золотом, о чем можно судить по следам древнего излома, ясно заметного по всему верхнему краю золотой пластинки. Боковые стороны треугольников выражены полосками в три линии, а в середину их вписаны ромбы с не всегда ясным меандровым узором. Вероятно, в более четком виде они повторялись и на золоте. Основание узора золотой полосы тоже было намечено углубленным нарезом на серебре, а золото закреплено в этих углублениях при помощи повторных вдавливаний тонким острием инструмента (табл. III, рис. 3). Орнамент состоит из четырех сильно закрученных вправо и соединяющихся друг с другом спиралей. Сверху и снизу спирали заключены между двумя поясками, по верхнему из которых прочерчены три, а по нижнему четыре опоясывающих борозды. Промежутки между спиралями заполнены треугольниками, обращенными вершинами друг к другу; некоторые из них покрыты точками. По краю втулки проходит резко ограниченный выпуклый бортик, а на покрывающей его части той же золотой пластинки нанесены частые поперечные вертикальные насечки. Такие же поперечные насечки, но очень мелкие, заметны ниже спиралей на втором пояске. Края золотой пластинки снизу загнуты и тщательно закованы. На первом копье этого нет, а на втором края загнуты не везде и не глубоко. Края круглых дырочек на пластинке аккуратно заделаны внутрь.

Серебряный кинжал (табл. V, рис. 1; табл. VI, рис. 2; табл. VII, рис. 2; инв. № 54644) Бессарабского клада покрыт довольно толстым слоем патины, что не позволяет детально проследить его орнаментацию и обработку поверхностей. Длина его 27,4 см, максимальная ширина у рукоятки — 4,6 см. Кинжал не имеет перекрестия и его клинок подходит к рукоятке слегка закругленным основанием своего треугольника. От основания треугольника клинок несколько суживается, а в нижней своей части дуговидно расширяется. Осевая выпуклая часть кинжала, орнаментированная посредством

золотой инкрустации, повторяет треугольные контуры клинка. Повидимому, отливка кинжала производилась таким же способом, как и отливка наконечников копий. Расплавленное серебро вливалось в литейную форму со стороны острия. Кое-где прослеживаются следы отковки и оттяжки лезвия, заточенного только по самому краю. Для скрепления с рукоятью, которая, по всей вероятности, была деревянной, служил плоский черешок в виде пластинки длиной 4,6 см и шириною 1,8 см; эта пластина у основания клинка несколько расширяется. Толщина пластины здесь равняется 4 мм, к концу она становится все тоньше и сходит на нет. На пластине, в целях прочного скрепления ее с рукоятью, были проделаны, уже после отливки предмета, три круглые дырочки. Две крайние из них пробиты с одной стороны, третья — средняя — с обратной стороны, о чем позволяют судить как незначительные впадины на той стороне, откуда наносился удар, так и кольцеобразный наплыв металла с обратной стороны.

Золотая обкладка, покрывающая выпуклый осевой треугольник кинжала, была закреплена на серебряную основу таким же способом, как и на копьях, то-есть, она набита на уже подготовленные в серебре углубления. Удары наносились по краю обкладки инструментом, имевшим на своем рабочем конце тоненькую трубочку с диаметром круглого отверстия не более 1 мм.

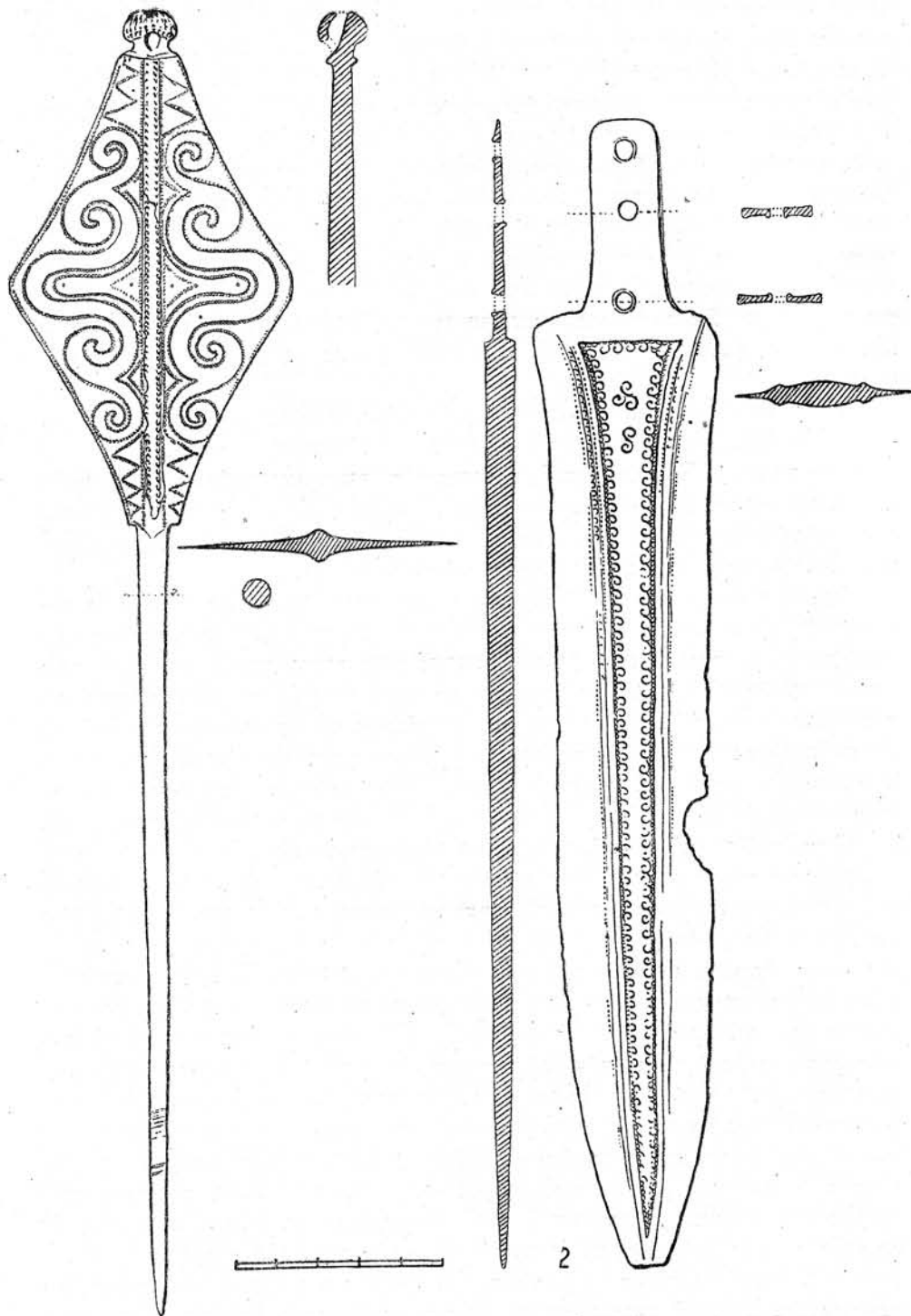
Золотая пластинка с обеих длинных сторон окаймлена валиком, выполненным на серебре. Вдоль валика нанесен едва заметный узор, представляющий собою чередование рядов мелких точек и нарезных линий. Весь орнамент золотой пластинки выполнен ювелирным штампом, имевшим рабочий конец в виде простой, слабо загнутой спирали. Различные комбинации в расположении этих спиралей дали все сочетания узора. Поставленные в ряд и обращенные завитками в одну сторону, они образовали кайму золотой пластинки, способствовавшую ее прикреплению к серебряной основе. У основания же треугольника из этих спиралей были составлены, с одной стороны, трискелий, и под ним значок в виде латинского S, а с другой стороны тот же трискелий, к нижнему завитку которого прилегает еще один завиток спирали.

Серебряная булава (табл. V, рис. 4; т. VI, рис. 1; т. VII, рис. 1; инв. № 54645) украшена, как и другие вещи клада, золотой инкрустацией. Длина булавки 31,2 см. Её двойная головка в нижней части представляет собою ромбовидную пластинку длиной 12,2 см и шириною 6,7 см. По длинной оси пластинки с обеих сторон проходит округло-выпуклый валик. На всем протяжении вдоль этого валика пластина более массивна и имеет около 3,4 мм толщины, к краям же становится значительно тоньше и в некоторых местах едва достигает половины миллиметра. Вся ромбовидная пластина отлита несомненно вместе с булавкой; как на её поверхности, так и на стержне, особенно в верхней его части, заметны следы отковки. Вершина

головки булавки представляет собою округлую шляпку, несколько приплюснутую сверху вниз. Из центра этой шляпки наискось проходит круглое отверстие, проделанное во время литья. Первоначально в верхней части отливка шляпки не удалась и отверстие, очевидно, получилось слишком широким. Чтобы довести его до надлежащих размеров, часть его заложили массивной серебряной заклепкой, поверхность которой была затем тщательно обработана и подогнана к общей поверхности. Та часть головки, которая находится выше ромбовидной пластинки, то-есть шляпка с шейкой и воротничком, опоясывающим шейку и выделяющимся с обеих сторон в виде рёбрышка, была отлита отдельно и прикреплена к осевому стержню булавки, возможно, посредством шпенька. Это можно предполагать потому, что эта часть булавки слегка покачивается. Скрепление сделано, однако, прочно, но проверить устройство скрепления, не разбирая предмета, не удастся.

Узор, выполненный золотой инкрустацией, и покрывающий обе стороны ромбовидной пластины, делится осевым стержнем на четыре орнаментальные участка. Растительный орнамент в виде лилиевобразных побегов комбинируется с рядами треугольников, причем с одной стороны треугольники преобладают над растительным узором, а с другой растительный орнамент распространяется почти на всю площадь ромба.

Золотая инкрустация, образующая этот узор, по краям окаймлена цепочкой из очень мелких и прилегающих друг к другу кружочков, нанесенных инструментом, имевшем на рабочем конце тоненькую трубочку. Эти каёмочки подобны той, которая проходит по краю золотой пластинки кинжала, и они расположены главным образом на границе между золотом и серебром. Но на кинжале эта цепочка нанесена на золото и несомненно способствовала его прикреплению к серебряной основе, а на булавке она почти всюду нанесена по серебру и только прилегает к самому краю золотой пластинки. Такой же каёмочкой обведены края серебряного ромба. Но с обеих сторон стержневых валиков цепочка эта проходит по золоту, как и на площадях некоторых треугольников, где образует маленькие внутренние треугольнички. Повидимому, эта цепочка на булавке не служила целям закрепления золота на серебро, а имеет значение только орнамента. Золотые пластинки здесь вдавлены особенно прочно и только на стержневых валиках золотой листок был оторван еще в древности. В этих местах хорошо заметно, как основание узора в виде зубчатой полоски было глубоко врезано в серебро; на золоте узор этот повторяется, только в менее отчетливом виде. Шляпка округлой головки тоже покрыта узором, распадающимся на три зоны; верхняя и нижняя из них напоминают собою цепочку мелких кружочков, входящую в орнамент ромба, средняя же — зубчатые полоски, покрывающие стержневые валики. Орнамент в этой части булавки сильно стерт, но не со всех сторон равномерно. Хуже всего он сохранился спереди и сзади, то-есть в одной плоскости с ромбом. Эта стертость поверхностей шляпки и разрушение золотой пластинки на валике несомненно явились следствием

1 — серебряная булавка, 2 — серебряный кинжал.

Таблица VII

1—серебряная булавка, 2—серебряный кинжал.

Таблица VIII

1—четвертый топор. 2—первый топор.

долговременного применения предмета в качестве застежки, в результате чего особенно пострадали наиболее выпуклые его части.

Четыре каменные полированные топора по необыкновенной стройности и точности форм и по тщательности отделки поверхностей, в особенности три из них, не имеют полных аналогий. Три топора почти одинаковы по форме, четвертый же по своим пропорциям, по удлиненному тонкому пестообразному обуху и по вычурному изгибу лопасти и лезвия представляет собою исключительно редкое явление.

Первый топор (табл. IV; табл. VIII, рис. 2; табл. XIII; инв. № 54647)¹, сделанный из серовато-зеленого пятнистого камня, имеет в длину 19,6 см, максимальную ширину у проуха 4,5 см и диаметр проушного отверстия 1,9 см. У проушного отверстия резко выступает острое поперечное ребро. От лезвия до середины проушного отверстия по всему клинку проходит отчетливая линия ребра, которая делит верхнюю поверхность топора от лезвия до сверлины на две половины; от боковых сторон эта часть отделена такими же четкими ребрами. Дуговидное лезвие топора книзу сильно оттянуто назад, благодаря чему нижняя сторона вогнута и несколько укорочена; она также разделена на две подобные же, но менее четкие грани. Пестообразный обух вытянут и имеет почти цилиндрическую форму, немного расширяющуюся к проушному отверстию. Это проушное отверстие просверлено полым сверлом, в результате колебаний которого во время работы на внутренней его поверхности образовались глубокие кольцеобразные борозды. Внешняя поверхность топора заполирована до полного блеска и вполне сохранна, если не считать нескольких незначительных щербин на лезвии и небольшого участка выкрошившегося камня на задней стороне у проуха.

Второй топор (табл. IX; табл. XIV; инв. № 54649) сделан из темнозеленого камня и имеет длину в 13,5 см и ширину у проуха в 3,8 см при диаметре отверстия в 1,7 см. Топор по форме совершенно подобен предыдущему, но имеет по сравнению с ним несколько укороченные пропорции. Вторым отличием является округленность углов лезвия. Этот топор обработан еще совершеннее первого, почти с ювелирной тщательностью; быть может, этому способствовала большая мягкость материала, из которого сделана вещь. Полировка отличается зеркальным блеском. Отверстие, просверленное полым сверлом, внутри совершенно гладкое. Поверхности топора хорошо сохранились, только в одном месте у края сверлины и у поперечного ребра наблюдается незначительная стертость, вероятно образовавшаяся еще в древности.

Третий топор (табл. III, рис. 1, 2; табл. X; табл. XV; инв. № 54646) сделан из темнозеленого нефрита, местами черноватого цвета. Длина его

¹ При описании топоров нижней их частью считается сторона, обращенная к рукоятке, а верхней частью — противоположная.

18,1 см, ширина у проуха — 5,2 см, а его почти овальная сверлина сверху имеет диаметры 2,8 и 2,3 см, а внизу, откуда начиналось сверление, 3 и 2,3 см. Общие очертания этого топора сходны с очертаниями первого, но он немного массивнее и шире и не обладает той стройностью и изяществом пропорций, которыми отличаются первые два топора. Кроме того, можно привести ряд черт, еще более отличающих этот топор и придающих ему менее изысканную внешность. По верху топора, по всей его длине, проходит посредине выпуклый валик. В поперечном сечении топор имеет по всей длине округлые очертания без признаков граней. Около проушного отверстия идет поперечный валик, имеющий в разных местах разную толщину, который постепенно сходит на нет около верхнего отверстия сверлины. Лезвие этого топора шире, чем у двух первых, но также слегка оттянуто внизу назад. Однако, в противоположность первым двум топорам, которые хорошо заострены, лезвие этого топора тупое. Форма сверлины получилась неровной, возможно, вследствие колебаний сверла при сверлении более твердой породы камня. Об этом свидетельствуют дугообразные борозды у основания с тыльной стороны топора, возникшие, вероятно, в результате срывов сверла при начале сверления. Внутренняя поверхность отверстия вся покрыта выступающими бугорками или заусенцами. Повидимому, это следствие особой структуры камня, содержащего твердые включения, не поддававшиеся сверлу. Почти на всей поверхности топора замечен тонкий налет белесоватой патины, особенно интенсивный с одной стороны. На небольшом участке поверхности около лезвия выступает довольно толстый слой желтоватой патины, покрывающей одну из двух щербин лезвия, образовавшихся еще в древности.

Четвертый топор (табл. VIII, рис. 1; табл. XI; табл. XVI; инв. № 54648) сделан из темнозеленого змеевика однородной структуры. Его длина 20,7 см, а ширина у проуха 4,8 см, при диаметре отверстия в 2,3 см. Этот топор отличается от предыдущих и значительно более вытянутыми пропорциями и своей формой. В то время, как первые три топора в основном повторяют весьма распространенные типы каменных топоров с пестообразными обухами, прототипами этого топора, может быть, уже являются изогнутые бронзовые лопастные топоры с тонкими вытянутыми обухами (Фаскау). В то время, как у трех предыдущих топоров передняя половина от лезвия до сверлины и задняя половина от сверлины до обуха сходятся, образуя тупой угол с вершиной в центре сверлины, у этого топора верхняя поверхность в своем долевом разрезе образует непрерывную изогнутую линию, сильно загнутую в противоположную сторону вверх у края лезвия. Само лезвие образует большую и длинную лопасть, далеко заходящую на нижнюю часть топора. Вверху, на равном расстоянии между лезвием и проушным отверстием, проходит резко выступающий остросеберный валик. От боковых сторон верх ограничен такими же узкими и резко выступающими валиками. Все эти три ребристые валика сходятся вместе у лезвия, а около сверлины упираются в такой же остросеберный поперечный валик. Обушная часть, слегка расширяющая-

ся к сверлине, имеет здесь овальное поперечное сечение, переходящее в круглое сечение около обуха, заканчивающегося уплощенным пестиковидным навершием. Широкое проушное отверстие просверлено совершенно точно; внутри оно почти гладкое, лишь с едва намечающимися поперечными кольцеобразными бороздами. Поверхность топора заполирована с большим совершенством, но не доведена до полного блеска, как у первых двух топоров, что, вероятно, объясняется специфическими свойствами материала, из которого сделана эта вещь. Топор вполне сохранился, однако на его лезвии и в одном месте на правом поперечном ребре заметны щербины, образовавшиеся еще в древности.

В выделке двух первых и четвертого топоров заметна рука одного мастера. Но в то время, как для первых двух характерны простые и строгие формы, связанные с древними традициями, в последнем случае мастер допустил некоторые вольности, придающие предмету своеобразный вид. Все основные линии этого топора соответствуют подобным же линиям двух первых, но каждая линия в отдельности здесь получила вычурные изгибы, сохранив однако выдержанную пропорциональность.

В состав Бессарабского клада входят кроме того два обломка пятого топора (табл. XII, рис. 4, 5; инв. № 54654), изломы которых, а также глубокая зарубка на навершии, указывают, что вещь была разбита в древности. Один из обломков представляет собою обушную часть топора, сохранившуюся почти полностью, а другой — среднюю часть, ближе к лезвию, расколотую поперек. По материалу, размерам, пропорциям и обработке деталей этот топор стоит ближе всего к третьему: он массивнее трех других и его цилиндрический обух округло и мягко переходит в пестообразное навершие. Никаких граней или валиков нет. Поперечное сечение топора равномерно округло, как и у третьего топора; здесь видны легкие борозды у основания сверлины, указывающие на срыв сверла в начале сверления. На внутренней поверхности отверстия имеется та же легкая бугорчатость из-за твердых вкраплений, впрочем, едва заметная. На хорошо заполированной поверхности есть белесоватый налет патины, кое-где переходящий в слоистость.

Все три булавы Бессарабского клада сделаны из алебаstra и хорошо отполированы. Поверхность их покрыта патиной, в некоторых местах представляющей собою легкий налет, а в других — довольно плотный, желтовато-серый слой. Сверлины у всех трех булав сделаны при помощи одностороннего сверления, благодаря чему одно отверстие всегда получается шире другого; внутренние поверхности всех сверлин совершенно гладкие.

Первая булава (табл. XII, рис. 1; табл. XVII, рис. 1; инв. № 54650) диаметром 6,6 см и высотой 5 см, имеет почти шарообразную, лишь слегка приплюснутую форму. Она опоясана бороздой, с одной стороны более углубленной, с другой же менее, и не всюду проведенной совершенно прямо. С той

стороны, где начиналось сверление, отверстие у своего основания окружено едва выделяющимся кольцеобразным валиком. В этом месте его диаметр равен 1,9 см, а с противоположной стороны — 1,7 см.

Вторая булава (табл. XII, рис. 2; табл. XVII, рис. 2; инв. № 54652) подобна первой, но имеет еще более сплюсненную форму. При диаметре в 6,5 см, высота булавки равна только 4,2 см. Её также суживающиеся к одному концу отверстия сверлины имеют 2 и 1,7 см в диаметре. Более широкое отверстие обведено кольцеобразным, резко выступающим валиком. Опясывающей борозды на этой булавке нет.

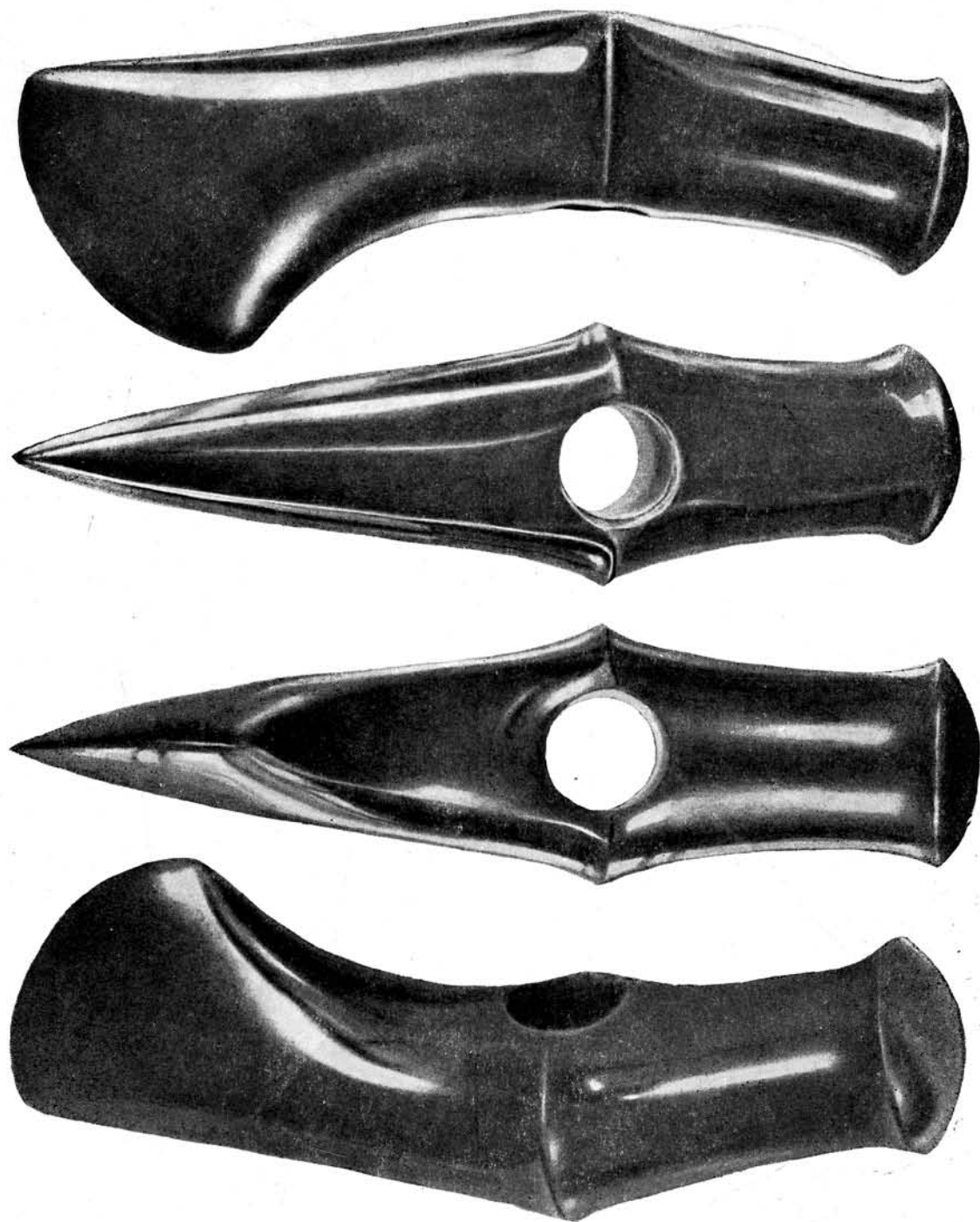
Третья булава (табл. XII, рис. 3; табл. XVII, рис. 3; инв. № 54651) имеет удлиненную яйцевидную форму. По её поясу в четырех местах крестообразно расставлены большие, сильно выпуклые, полушаровидной формы выступы, высотой 5,5 см, диаметром 4,5 см. Максимальная ширина булавки вместе с выпуклостями 6,8 см, при высоте 5,5 см. Отверстия булавки имеют в диаметре 1,5 и 2 см. У широкого конца сверлины заметно плоское кольцевидное окружение шириною 0,5 см. Такие булавки известны на Кавказе.

Анализируя в своей работе о Бессарабском кладе формы отдельных его вещей, Э. Р. Штерн ставил своей основной целью определить принадлежность их к тому или иному культурному очагу. Полностью отвергая участие Эгейского мира, а также культур Кавказа в образовании бессарабских форм, и совершенно не упоминая о возможности связи клада с культурами бронзового века Восточной Европы, Э. Р. Штерн связывает возникновение всех форм бессарабских вещей, а также и значительную часть их орнаментики, с бронзовым веком Венгрии, то-есть, с наиболее близкими к Бессарабии районами Средней Европы. Лишь в орнаменте серебряной булавки («ветка с волнообразными усиками» — по его выражению) он усматривает непосредственное участие микенской культуры.

А. А. Спицын посвятил Бессарабскому кладу работу, озаглавленную им «Бородинский клад»¹. В противоположность Э. Р. Штерну, он вводит в описание бессарабской коллекции широкие аналогии и во времени и в пространстве, и устанавливает связи между Бессарабией бронзового века и нижней Окой и Камой, а также с Западной Сибирью вплоть до Минусинска. Он отмечает некоторое участие микенской культуры в развитии орнамента бессарабских вещей. В то время, как Э. Р. Штерн не делает никаких определенных хронологических выводов, А. А. Спицын решительно относит Бессарабский клад к древнейшему периоду медного века, считая его пробразом значительно позднее сложившихся форм степной и кавказской бронзы. В частности, он сравнивает каменные топоры клада с медным топориком трипольской культуры из Веремьи. Если в настоящее время нельзя согласиться с этой ранней датой Бессарабского клада, то все же надо отме-

¹ А. Л. Спицын. Бородинский клад. «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой». М., 1916.

Таблица IX

Второй топор.

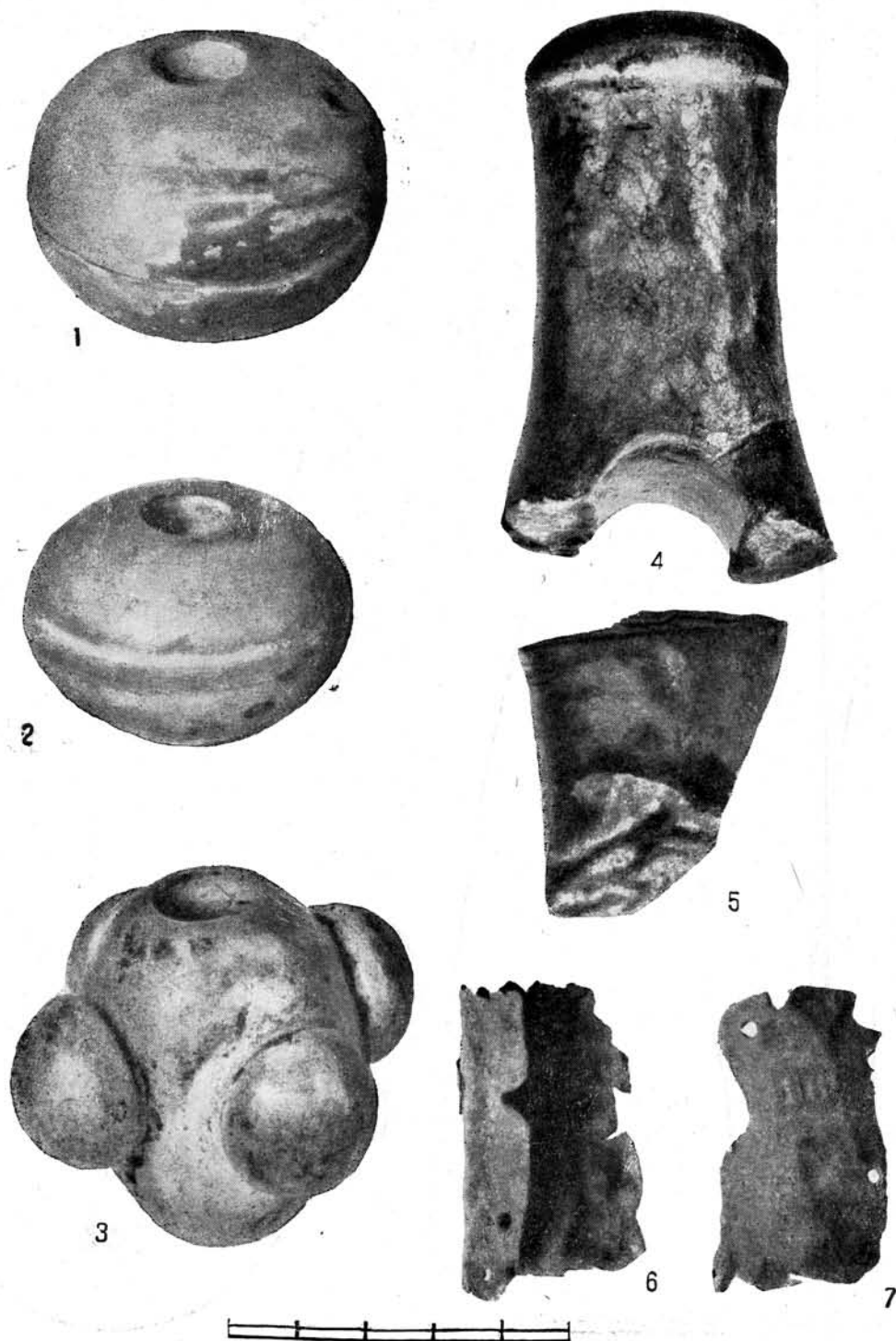
Таблица X

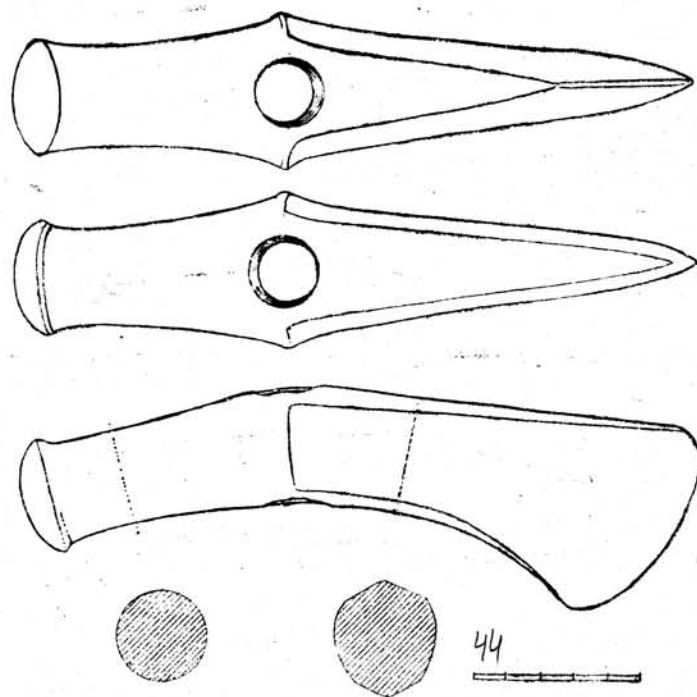
Третий топор.

Четвертый топор.

1—3—три булавы, 4—5—обломки пятого топора, 6—7—бронзовые пластинки.

Дн 19,6
 Дм 7
 Шм 2,9
 Шл 6,3
 Шкм 3,4

Первый топор.

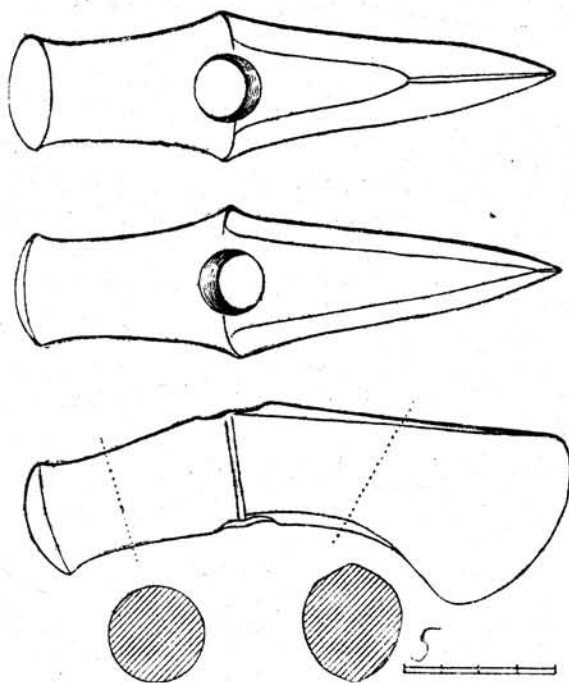
тить, что основная ценность работы А. А. Спицына заключается в том, что автор вводит культуры Восточной Европы в общий процесс развития бронзового века Причерноморья и Средиземноморья.

В своем подробном обзоре Бессарабского клада и его культурных связей А. М. Талльгрэн¹, почти с той же широтой, что и А. А. Спицын, провел сравнение форм и орнаментики предметов клада с материалом бронзового века Восточной Европы со времен трипольской культуры (медный топорик из Веремьи) вплоть до Кобани включительно. Некоторый интерес этой работы заключается в подробном анализе инвентаря Сейминского могильника и в установлении относительной его близости по времени с Бессарабским кладом, который он датирует 1300—1100 гг. до христианской эры.

В настоящее время относительную хронологию бронзового века Восточной Европы можно считать настолько разработанной, что установить место Сейминского могильника, а вместе с ним и Бессарабского клада в процессе развития культур этого времени, не представляет серьезных затруднений. Известно, что оба эти памятника одновременны первому этапу развития срубной культуры Поволжья и Украины и первому же этапу андроновской культуры в Западной Сибири и Казахстане, и что основная масса каменных

¹ M. Tallgren. La Pontide préscythique..., p. 129. Le trésor trouvé à Borodino et ses répliques. ESA, II.

Таблица XIV

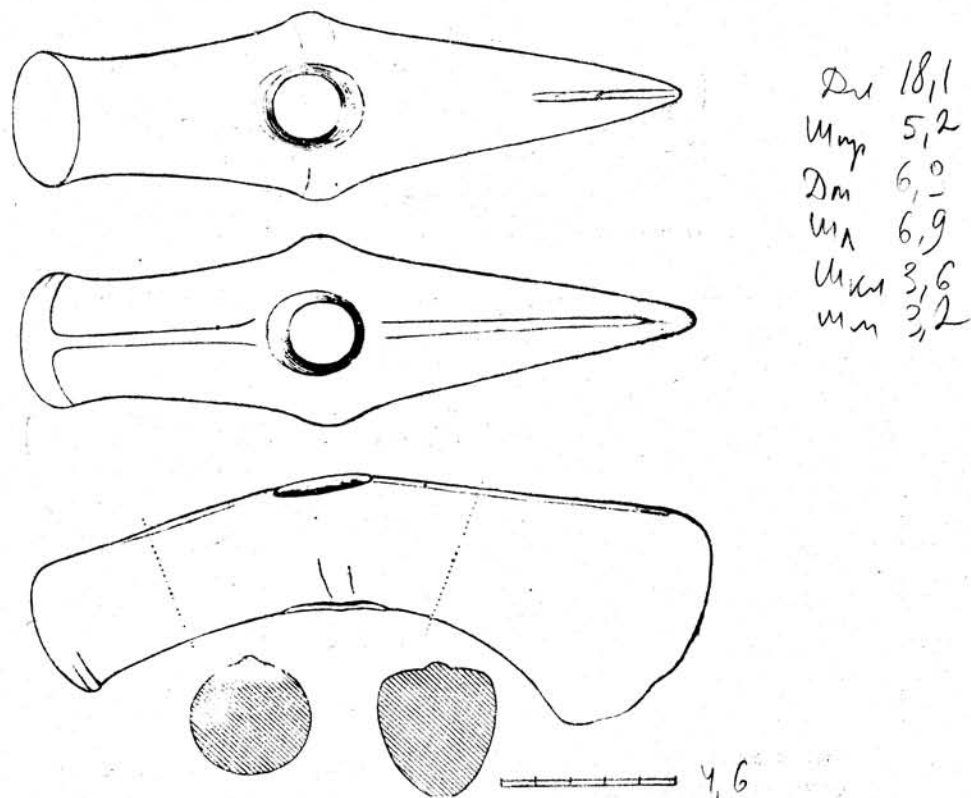
Дн 13,5
 ш п 3,8
 Дм 5
 ш м 5
 ш м 2,6
 ш м 3

Второй топор.

топоров Северного Кавказа относится к тому времени развития северокавказской культуры, которое предшествует и срубной культуре, и Сейминскому могильнику. Совершенно несомненно, что эпоха расцвета трипольской культуры, к которой относится древнее поселение у Веремьи, много древнее и Сеймы, и Бессарабского клада. Она настолько мало связана с ними, что проводить аналогию между нефритовыми топорами Бессарабского клада и медным топором из Веремьи совершенно бесполезно. Лишь с большой осторожностью можно привлечь для сравнений каменные топоры фатьяновской культуры, так как далеко не все они по времени близки интересующей нас эпохе и непосредственной связи в своем развитии с бессарабскими топорами не имеют. Кроме того, представляется, что и сближения вещей клада с могильным инвентарем Кобани также бесполезны, поскольку все основные погребения в Кобани относятся к более поздней предкифской эпохе и, следовательно, на сложение форм бессарабских вещей кобанская культура не могла оказывать влияния. Некоторая общность форм бессарабского и кобанского оружия, как, например, сходство клинков кинжалов и сходство в орнаментике могут быть объяснены единством источников происхождения обоих кинжалов от раннекавказских.

Одновременность Бессарабского клада с Сейминским могильником устанавливается на основании полного тождества типов наконечников ко-

Таблица XV

Третий топор.

пий. Как известно, один из них (с ромбическим в сечении стрежнем) семь раз повторяется в Сейминской коллекции, а вильчатых копий в этой коллекции насчитывается три. Ближайшие к ним аналогии уже были приведены А. А. Спицыным. Из них наиболее существенны следующие: вильчатое копье, найденное под Омском¹; такое же копье в Минусинском музее²; литейная форма из Томского музея для отливки подобных же копий³. Для копий бессарабского и сейминского типов с ромбическим в сечении стержнем наиболее сходными являются два копья из погребений срубной культуры Покровского могильника⁴.

Совершенно подобные типы литых наконечников копий в пределах Средней Европы встречаются редко. Однако в венгерском очаге бронзового века они есть, на что было указано еще Э. Р. Штерном. Там известны наконечники, почти повторяющие как пропорции сейминско-бессарабских копий,

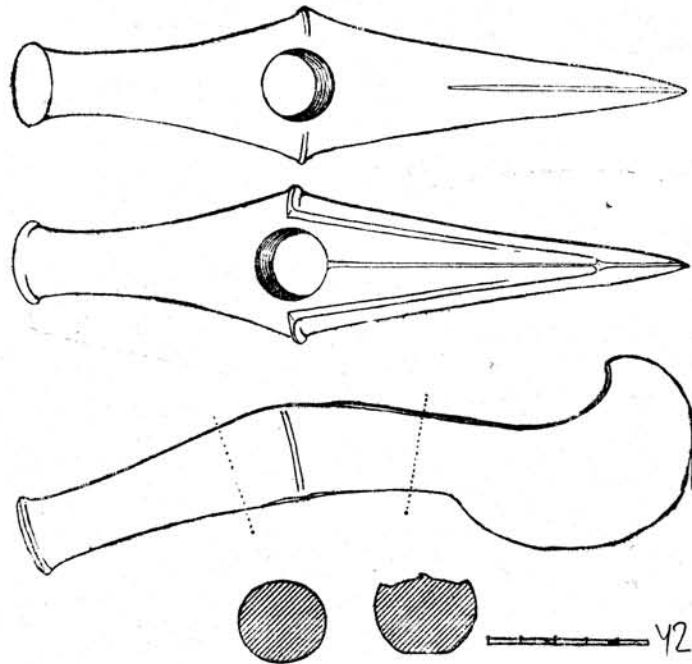
¹ Копье найдено с кельтом сейминского типа. Хранится в ГИМ, инв. № 54322.

² А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 113, рис. 4.

³ «Suomen Museo», стр. 76, 1915.

⁴ Р. Р у к о в. Die chvalynsker Kultur. ESA, I, стр. 76, рис. 19, I (кург. 7, погр. 3) и стр. 77, рис. 20 (кург. 8).

Таблица XVI

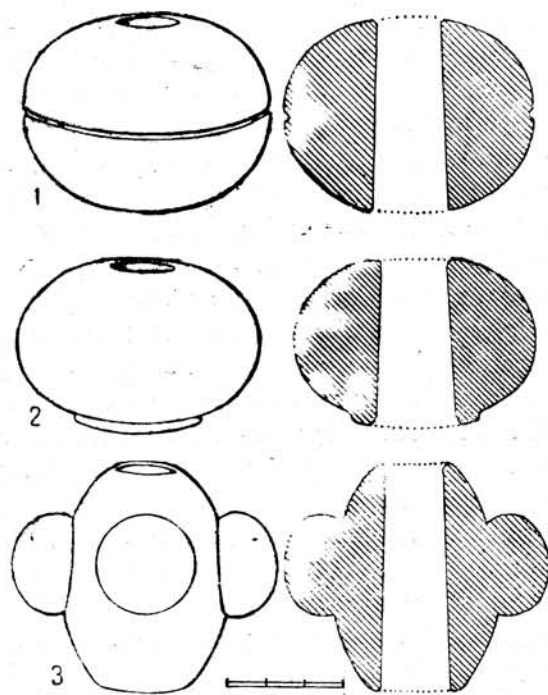
D_н 20,7
 Ш_ш 4,8
 D_ш 7,6
 Ш_л - 5,9
 Ш_к 2
 Ш_м 1,9

Четвертый гопор.

так и вильчатость стержней. Но превращение рельефной вильчатости в орнамент, наблюдающееся в Венгрии¹, и совершенное отсутствие подобного явления в Восточной Европе, указывает, может быть, на известную неустойчивость и кратковременность существования этого типа копий на Западе. Возникновение вильчатых наконечников копий и копий с ромбическим в сечении стержнем связывается с средним и нижним Поволжьем и с Западной Сибирью. Распространение их в Восточной Европе, где в одном Сейминском могильнике их насчитывается десять, и в Западной Сибири вплоть до Минусинска, а также в Поволжье и в Прикамье, и относительная их редкость в Средней Европе, противоречат утверждению о проникновении этих типов с запада на восток. Повидимому, и типы копий Бессарабского клада проникли на Черное море с северо-востока, из области Поволжья.

Если принять все северо-западное Причерноморье за одну область распространения этих копий, а Поволжье с Прикамьем и Западную Сибирь за другую, значительно более обширную, то на пространстве, разделяющем эти области, мы подобных копий не встретим. Возможно, что при сообщении между нижней Окой и Черным морем, на протяжении всего пути, вероятно водного, длительных остановок и интенсивных сношений с местными племенами не было.

¹ J. Hampel. Antiquités préhistoriques de la Hongrie, t. IX, 4.

Три булавы.

На востоке, между низовьями Оки и Поволжьем, с одной стороны, и Западной Сибирью — с другой, целый ряд и других вещей (кроме копий) отмечают путь, или, вернее, пути, по которым во II тысячелетии до н. э. осуществлялась связь между племенами, заселявшими Сибирь и Поволжье. Сюда относятся нефритовые кольца из Сеймы, происхождение которых обычно связывается с культурами Забайкалья, и кельты сейминского типа, встречающиеся в значительном количестве в Западной Сибири. Район Сеймы, повидимому, представлял собою узел или перекресток древних путей, пролегавших с востока на запад и с севера на юг (Турбино, Галич, Покровск). В инвентаре Сейминского могильника соединяются элементы как северных и восточных культур, так и южных, и при том не в виде отдельных черт, не по приблизительному сходству вещей, а в виде полного и многократного повторения форм вещей и их орнаментации. Таким образом, этот памятник отражает в себе бронзу Восточной Европы, распространенную на огромном пространстве в разных культурах.

Скрещением путей, пролегавших по Днепру, Дунаю и побережью Эгейского и Черного морей, является область, расположенная у северо-западного берега Черного моря. Культурные связи, осуществлявшиеся по этим путям, усложнили облик материальной культуры племен, заселявших в те времена северное Причерноморье. Некоторые вещи, входящие в состав Бессарабского

клада, имеют в других областях аналогии, иногда довольно близкие, другие, при всем кажущемся их сходстве с широко распространенными формами подобных предметов, прямых аналогий не имеют и, повидимому, являются местными. Так, каменные топоры клада отчасти сходны с троянскими топорами клада L и венгерскими топорами с острым поперечным ребром у сверлины или, не в меньшей мере, с некоторыми топорами Северного Кавказа, а в некоторой степени даже с отдаленными фатьяновскими топорами, с которыми сближает их наличие лопасти на четвертом топоре клада. Однако все эти сходства очень приблизительны и свидетельствуют лишь о том, что во II тысячелетии до н. э. племена, населявшие области около Черного моря и прилегающие к ним с севера и с запада районы, поддерживали друг с другом постоянную культурную связь и практиковали одинаковые приемы в выделке боевых секир, в большей или меньшей степени варьируя их формы. Во второй половине II тысячелетия, вероятно ближе к его последней четверти, эти топоры-секиры исчезают из употребления и, как, например, на Кавказе, заменяются бронзовыми. Бессарабские каменные топоры одни из поздних, во всяком случае они позднее и троянских, и кавказских, и основной массы фатьяновских топоров.

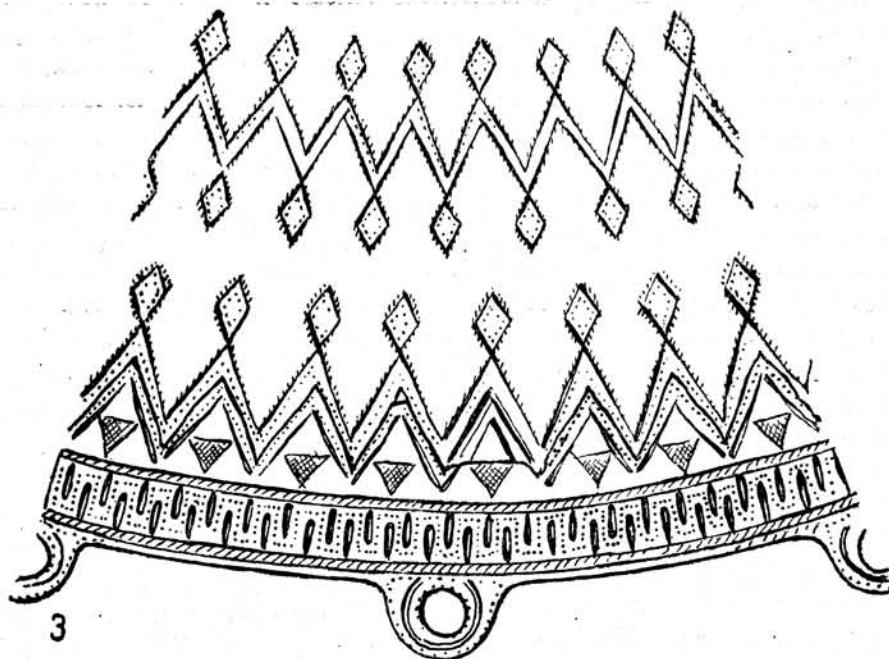
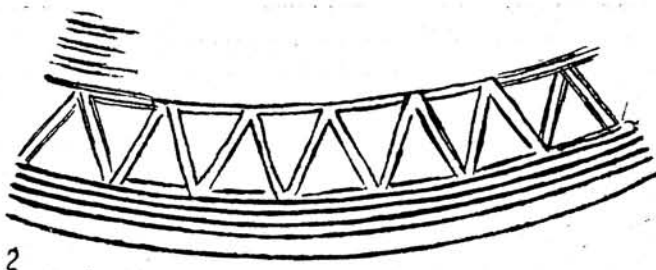
Вместе с тем кинжал Бессарабского клада, по характерным очертаниям его клинка, может быть сопоставлен и с кобанскими кинжалами Кавказа и, в некоторой степени, с венгерскими. И только лишь золотая облицовка стержневой части клинка напоминает кинжалы микенских шахтовых гробниц.

Булавка Бессарабского клада с головкой в виде большой ромбовидной пластины, расположенной под округлой шляпкой, оригинальна, и все обычно приводимые в аналогиях булавки имеют только приблизительное сходство с нею. К ним относятся две булавки, тоже с ромбовидной головкой, из кургана у Холодного Яра близ селения Смелы¹, с винтообразно закрученным стержнем, штампованным орнаментом и с петлею наверху в виде загнутой пластинки. В эпоху поздней бронзы, во времена киммерийской культуры, в южном Приднепровье и в северо-западном Причерноморье появляются булавки с шарообразной головкой, имеющей косое сквозное отверстие. Этим они напоминают головку булавки Бессарабского клада, которую, может быть, надо поставить в начале серии подобных булавок в Причерноморье.

Орнамент на вещах из Бессарабского клада распадается на две группы, связанные с различными областями, между собою не сходные. Близость одной группы узора с эгейскими и в особенности с микенскими — несомненна, и едва ли представляется необходимость приводить в качестве аналогий подобные же узоры, повторяющиеся в более или менее измененном виде на среднеевропейской бронзе.

Наиболее близко к бессарабским узорам стоят, несомненно, творчески переработанные бессарабскими мастерами, узоры блях и некоторых других вещей из микенских шахтовых гробниц. Одну из блях IV гробницы

¹ А. А. Бобринский. Курганы блях мест. Смелы, т. I, стр. 102, рис. 3.

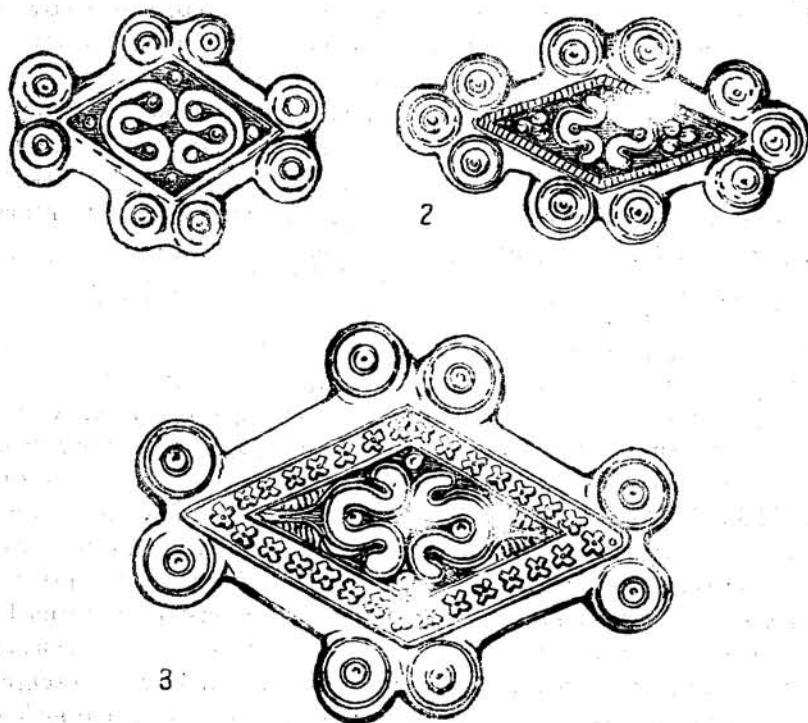
1 — насечка на втулке третьего копия, 2 — насечка на втором копье, 3 — насечка на первом копье.

привлекал для сравнения уже А. А. Спицын¹, но для полного понимания узора на ромбовидном щитке булавки необходимо провести сравнение не столько с нею, сколько с некоторыми другими. Из десяти блях, найденных в этой усыпальнице², особого внимания заслуживают три (рис. 378, 386, 384), центральная часть которых покрыта узором, вписанным в рамки ромба. Во всех трех случаях он распадается на две симметричные половины и в основном состоит, как и на бессарабской булавке, из двух схематизированных чашечек лилий, повернутых друг к другу своими устьями. Наиболее реалистично изображение лилий на первой из этих трех блях (рис. 378), где они сохранили и стебельки и листочки (табл. XIX, рис. 3). На двух других (рис. 386 и 384) стебельки отсутствуют и на их месте расположены плохо выраженные трискелии (табл. XIX, рис. 2). На других бляхах из той же гробницы (рис. 377 и 382) трискелии в углах ромбов тоже нанесены с полной четкостью. Подобные лилии, расположенные таким же образом, повторяются и на бессарабской булавке. На бляхах же, изображенных на рисунках 377 и 379, в центральной их части помещены орнаментированные кружки, разъединяющие лилии. На одной небольшой бляхе (рис. 386) лепестки лилии загибаются назад и сходятся у основания чашечки цветка; здесь сходство с лилией почти утеряно и она превратилась в орнамент, представляющий собою две соединенные между собою петли (табл. XIX, рис. 1). Такая схематизация лилиеобразного узора на одной из блях IV гробницы могла явиться следствием техники его выполнения путем металлопластики, не допускающей тонкостей. Значительно тоньше и реальнее изображены лилии на клинке кинжала из тех же гробниц, где они представлены в виде цветков с тычинками и стебельками³, на рукояти же этого кинжала, в особенности на его перекрестии, лилии выполнены довольно условно и напоминают узоры на бляхах. При сравнении узора бессарабской булавки с микенскими прежде всего надо отметить в ней сухость изображения и полную схематизацию цветка. Каждый лепесток в отдельности превратился здесь в сильно загнутую спираль. Особенно это заметно на одной из сторон булавки, там, где лепестки лилии удваиваются расположенными с двух сторон спиралеобразными побегам. Здесь изображения лилий почти переходят в орнамент из ряда соединенных между собою спиралей. Такой орнамент дважды повторяется на вещах Бессарабского клада. В одном случае на кинжале ряд мелких, соединенных между собою, спиралей окаймляет золотые осевые пластинки. В другом случае те же соединенные между собою, но крупные и сильно закрученные спирали, украшают обломанную втулку копья. Этот узор находит множество различных аналогий в орнаментике всего эгейского мира.

¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 113, рис. 5.

² Н. Schliemann. Mykenae, Leipzig, 1878, стр. 298 и след., рис. 369, 377—386, 468.

³ O. Montelius. La Grèce préclassique, t. 9, 5.

Бляхи из микенских шахтовых гробниц.

Интересны трискелии на клинке бессарабского кинжала. Как уже было сказано, они встречаются в Микенах на бляхах IV шахтовой гробницы. А на большой круглой бляхе, найденной там же (рис. 428), в ее центре изображен подобный же крупный трискелий. На одной из сторон бессарабского кинжала ниже трискелия стоит значок в виде буквы S. Подобный же значок стоит в основании орнамента на одном из золотых украшений той же IV гробницы (рис. 369); это еще более подчеркивает связь орнамента бессарабских предметов с орнаментами на вещах из микенских шахтовых гробниц.

Ко второй группе узоров относится значительное количество разнообразных заштрихованных треугольников, зигзагов и ромбов. Эти мотивы относительно редко встречаются в эгейском мире и в большей степени характерны для орнамента керамики и металлических предметов в Восточной и Средней Европе. Рядом нарезных заштрихованных треугольников окаймлены осевые стержни на двух кинжалах из Днепропетровской области¹. Такие же мотивы выполнены посредством литья на одном наконечнике копья позднебронзового века², происходящего оттуда же.

¹ Днепропетровский музей, №№ 16755 и 16756.

² Днепропетровский музей, № 16758.

Интересен для нас и другой наконечник копья, найденный под Цюрупинском (бывш. Алешки) и относящийся к более раннему времени. Он украшен разнообразными линейными и точечными узорами, нанесенными нарезками, покрывающими короткую втулку, ромбический в сечении стержень и плоскости пера вдоль стержня. Этот узор по комбинации заштрихованных треугольников с зигзагами и спиралями несколько напоминает бессарабские узоры. Совершенно оригинален орнамент втулки этого копья, представляющий собою два ряда обращенных друг к другу изогнутых лопастей с узкими основаниями.

Принятое определение времени Бессарабского клада промежутком от XIV до XII вв. до н. э. в настоящее время уточнено быть не может. Анализ орнамента булавки, приведенный выше, и сравнение её узора с узорами микенских блях из IV шахтовой гробницы, заставляют датировать её немного позднее этих гробниц. Если последние датируются столетием между 1550 и 1450 гг. до н. э., то наиболее ранняя дата Бессарабского клада может быть отнесена к XIV веку. К концу II тысячелетия до н. э. следует, вероятно, отнести начало формирования киммерийской культуры позднего бронзового века, расцвет которой падает на первые два-три столетия I тысячелетия до н. э. Эта культура, распространенная в причерноморских степях, занимала и северо-западное побережье Черного моря. Отсюда следует, что ранее принятая приблизительная наиболее поздняя дата, к которой может быть отнесен Бессарабский клад, около 1200 года до н. э., в настоящее время остается в силе.

Цена 10 руб.

